

*А.К. Магомедов,
М.М. Кириченко*

**ОТ ЕЛЬЦИНА К ПУТИНУ:
КРЕМЛЬ И РЕГИОНАЛЬНАЯ РОССИЯ
(НА ПРИМЕРЕ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ
И КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)**

«Как ты красноречиво утверждаешь это в своей статье, Брюс, чем больше мы знаем о кандидате на государственную должность, тем меньше он заслуживает нашей поддержки, а идеальным президентом всегда является человек, о котором никто в стране не знает абсолютно ничего»

*Джозеф Хеллер
«Голд, или не хуже золота»*

Введение

В работах последних лет осуществлялись попытки оценить политический режим В.В. Путина с помощью различных подходов. Исследования М. Афанасьева дают анализ этой темы с точки зрения институциональной. Такое рассмотрение позволяет избежать крайне мистифицированных толкований лидерства Путина как некоего феномена, хотя реальная эволюция политического процесса остается при этом неясной¹. Работа С. Каспэ, основанная на противоположном подходе, рассматривает «публичные» социальные опоры путинского президентства². Природе его власти посвящены труды П. Реддюза, А. Брауна, П. Рутланда, сильной стороной которых является анализ ключевых изменений и реконструкция

¹ *Афанасьев М.* Проблемы российского федерализма и федеративная политика второго Президента. Промежуточные итоги // *Конституционное право: Восточноевропейское обозрение*. 2002. № 1. С. 91–104; *Он же*. Российская Федерация: слабое государство и «президентская вертикаль» // Там же. 2002. № 4. С. 25–38.

² *Каспэ С.И.* Центр и вертикаль: политическая природа путинского президентства // *Полития*. 2001–2002. № 4(22). С. 5–24.

политического процесса в пост-ельцинский период российской истории³. Однако остается множество неясных вопросов о характере политических перемен, вызванных появлением в Кремле Владимира Путина. Весьма плодотворной попыткой дать ответ на этот вопрос обещает стать международный исследовательский проект по всестороннему изучению политических изменений в пост-ельцинской России. Проект осуществляется под руководством профессора Питера Реддуэя и доктора Роберта Орттунга при финансовой поддержке корпорации Карнеги (Нью-Йорк)⁴.

Были ли реформы Путина осознаны центральной властью как ключевые вопросы неотложной политической повестки дня или элиты страны, в том числе региональные, были поставлены в тупик этими начинаниями? До какой степени изменились отношения между Центром и регионами после начала этих реформ и насколько к тому времени регионы уже были готовы уступить сильному лидеру из Центра?

Мы обращаемся к поставленным вопросам без какой-либо теоретической модели и концептуальной заданности. Кратковременные реалии переходного периода от ельцинского правления к путинскому в рамках продолжающейся общероссийской трансформации последних 15 лет («переход в переходе») оставляет мало места для продуктивных в эвристическом плане теоретических конструкций⁵. Цель данной работы – исследование характера взаимоотношений между Центром и регионами на примере двух российских провинций – Ульяновской области и Краснодарского края. Не останутся без внимания изменения природы региональной политической конкуренции в обстановке идущей путинской федеративной реформы.

Выбор и сравнение Ульяновской области и Краснодарского края интересны и поучительны во многих отношениях. При поверхностном

³ P. Rutland. Putin's Path to Power // *Post-Soviet Affairs*. 2000. December. No. 4. P. 313–354; P. Reddaway. Will Putin Be Able to Consolidate Power // *Ibid.* 2001. January–March. No. 1. P. 23–44; A. Brown. Vladimir Putin and the Reaffirmation of Central State Power // *Ibid.* P. 45–55.

⁴ Первый том исследования, посвященный семи федеральным округам (*Dynamics of Russian Power: Putin's Federal-Regional Reforms*. Rowman & Littlefield, 2003), появится в западной печати в ноябре 2003 г. Выход в свет русской версии книги ожидается в 2003 г.

⁵ В этом плане наша работа отличается от исследования В. Авдонина, проведенного в рамках данного проекта, "Рязанская область: от «централизма Ельцина» к «централизму Путина» через «антицентралистскую девиацию», которое опирается на ряд концептуальных подходов и понятий («неопределенность», «обусловленность пути», «межэлитные пакты», «касикизм» и т.д.). Понятия и переменные такого рода были использованы этим автором и в его предыдущей статье о политической эволюции рязанского регионализма в эпоху Ельцина. – См.: Рязанская область: от структурного дуализма к «сообществу элит» // *Россия регионов: трансформация политических режимов* / Под общ. ред. В. Гельмана, С. Рыженкова, М. Бри. М., 2000. С. 219–257.

рассмотрении они представляют собой противоположные примеры «нового географического порядка», с которым Россия столкнулась после распада СССР. В то время, как Ульяновская область олицетворяет собой континентальную Россию, «задвинутую» на просторы евразийского Хартленда, Краснодарский край стал единственным «регионом-мостом», выводящим Россию к теплым морям и внешним рынкам. Не менее интересны параметры политического развития обоих регионов. На протяжении 90-х годов прошлого века Ульяновская область и Краснодарский край прошли через три политических цикла, однако их темп и характер были различны и разнонаправленны. В Ульяновской области две из этих трех политических фаз носили явно кризисный характер, а одна – умеренно-эволюционный. Эти фазы развивались в следующем порядке: кризис 1991-1992 гг., связанный с неудачной попыткой смещения Юрия Горячева, в свою очередь породившей «ульяновский феномен» и «локальное геройство» его инициатора; избирательная кампания 1996 г., приведшая к адаптации ульяновского «замка» к ельцинскому режиму, и, наконец, кризис 2000 г., связанный с банкротством политического режима Горячева и приходом в регион внешних интересов во главе с новым «губернатором-героем» – генералом Владимиром Шамановым. Краснодарский край в 1990-е годы также прошел через три политические фазы, обусловленные характером взаимоотношений региона с федеральной властью. Это – кризис 1991 г., связанный с изгнанием «локального героя» Николая Кондратенко с должности главы региона и началом «опричнизации» края; фаза 1996-2000 гг., которая ознаменовалась возвращением Кондратенко и разрушением режима «опричнизации», и нынешняя фаза, вызванная кризисом 1999-2000 гг., суть которой – изменение правил взаимоотношений с Кремлем в результате ухода Ельцина и появления Путина.

Сопоставление двух регионов покажет, что они представляют собой противоположные примеры «нового политического порядка»⁶, с которым российские субъекты Федерации столкнулись после начала путинских преобразований. В то время, как в Ульяновской области политическая ситуация в ходе выдвижения и победы на президентских выборах Путина дестабилизировалась, а региональная власть сменилась в

⁶ Сравнительный анализ политического развития обоих регионов в контексте изучения межполитических отношений и складывания партийных систем см.: Магомедов А. Межполитические отношения и формирование региональных партийных систем в новейшей России // Пространственные факторы в формировании партийных систем. Диалог американистов и постсоветологов / Под ред. К. Мацузато. Саппоро, 2002.

избирательном цикле 1999-2001 гг., в Краснодарском крае произошла своеобразная и, можно сказать, экстравагантная адаптация к изменениям, вызванным переходом власти от Ельцина к Путину. Каждый регион рассматривается отдельно с тем, чтобы лучше обозначить особенности приспособления российской провинции к меняющимся условиям, вызванным политическими реформами Президента Путина. Однако, поскольку смена власти в Кремле имела для Ульяновской области более драматические последствия, ей будет уделено больше внимания.

1. Ельцинская Россия и российский регионализм

Эвристической рамкой, которая приведет нас к интересным и продуктивным заключениям, является «метафора замка» (castle metaphor) американского ученого Кена Джовитта⁷. Идею «замка» мы используем в качестве образа, который помогает описать реальность, но не предполагает объяснения, а тем более обоснования этой реальности, поскольку не обладает концептуальной глубиной и содержанием. Данная метафора применяется для характеристики переходных обществ, находящихся на трудном пути государственного и национального строительства. В нашем случае «замок» есть понятие, отражающее самосознание в переходном контексте той или иной политической единицы – нации, региона и т.д.

Главный вопрос, который поставлен в модели Джовитта, сводится к тому, способны ли политические лидеры построить крепкий «замок», чтобы внутри него чувствовать себя достаточно безопасно для создания прото-государства? В стенах этого «замка» только доминирующая группа в лице правящей политической элиты способна консолидировать себя в достаточной степени для расширения базы своей поддержки в обществе, т.е., по терминологии Джовитта, в состоянии «наводить мосты и осушать рвы». Согласно его модели, к возведению стен «крепости» привлекаются другие влиятельные группы. Для того, чтобы начать процесс строительства, доминирующей элитной группе нужно установить и развить у всех жителей «замка» осознание своей идентичности и общности целей. Только с этого момента элита «замка»

⁷ Впервые эта метафора была применена Джовиттом в статье «Московский центр», опубликованной в конце 1980-х гг. в журнале *East European Politics and Societies*. Позднее эта статья вошла главой в книгу этого же автора «New World Disorder: the Leninist Extinction» (Berkeley, University of California Press, 1992).

может наращивать внутреннюю безопасность, которая будет привлекать широкие слои населения.

Российская политическая верхушка и сам режим Бориса Ельцина не прошли тест на конструктивное реформаторство. Более того, этот режим олицетворяет собой наименее удачный и наиболее разрушительный вариант проведения реформ. Естественно, такой режим не мог решить задачу создания российского «замка» путем напряженного национализма в рамках понятной и предсказуемой государственности. Деградикация созидательной политической воли Кремля привела к перемещению реальной власти в регионы. В условиях общероссийского идеологического коллапса многие региональные политики в своем мышлении сделали качественный скачок, суть которого заключается в переходе к действиям в политических и геополитических категориях. Провинциальные элиты стали целенаправленно цементировать политический мир в пределах региональных интересов. Для наиболее активных и дальновидных из них актуальной оказалась ориентация не на «шоковую терапию» центрального правительства, а на выработку собственной реформаторской стратегии.

В первые годы рыночных реформ локальные правящие элиты начали делать то, чего не могла сделать расколота федеральная власть: возводить региональные политические «замки», в пределах которых формировались экономические и политические институты. «Модель Татарстана», ульяновское «мягкое вхождение в рынок», «нижегородский пролог», «корпорация «Калмыкия»» — все это лишь наиболее яркие варианты региональной политической консолидации. Данные типы представляют собой примеры того, как местные правящие группы строили «рвы» вокруг своих регионов-форпостов в целях консолидации новых локальных идентичностей. Эта консолидация осуществлялась в направлении демонстративной самоизоляции («возведение рвов») от непредсказуемых и разрушительных влияний «шоковой терапии» и последующих проявлений ельцинизма. Таким образом, логика становления региональных политических режимов прежде всего заключалась в реакции и последующей адаптации локальных властей к двум составляющим ельцинской эпохи: с одной стороны, ее политической неопределенности, а, с другой — вторжению в российское общество публичной политики.

В переходной ситуации лидирующие группы российских регионов вступили в борьбу за право утвердить собственное толкование региональных интересов и тем самым стали участниками политического

дискурса. Политические приоритеты локальных элит оказывали значительное воздействие на формирование региональных политических «замков» в виде различных моделей развития. Их политизация вела к тиражированию публичных образов региональной власти. Это также способствовало тому, что региональная идентификация начинала играть важную роль в политической жизни в качестве главной составляющей системы координат политического пространства на региональном и федеральном уровнях. В основу локальных «крепостей-моделей» закладывался принцип региональной самоорганизации, инициированный региональными правящими группами как форма защиты собственных прав на распоряжение местными ресурсами. Так провинциальные власти возводили стены своих «замков» и обносили их «рвами».

Что касается взаимоотношений Кремля и региональных властей, то они отличались драматизмом и неожиданными поворотами. Помимо вышеописанных обстоятельств это в немалой степени определялось особой стилистикой политического лидерства Бориса Ельцина, в которой (особенно на поздней стадии его правления) реформаторское содержание уступило место монархической карнавальности. Как отметили эксперты Центра политических технологий, «перемены были обязательно театральны, в разных пропорциях сочетали в себе черты трагедии и балагана»⁸. Постоянная тяга Ельцина править в условиях кризиса, в режиме нахождения судьбоносных «развилок» приводила к невероятному расширению пространства для конфликтов⁹.

1.1. Ульяновский «феномен»: содержание и рамки регионального политического «замка». Одним из наиболее ярких столкновений начала 1990-х гг. стал конфликт по линии Ульяновская область – Кремль. Он стал первым символическим оформлением нового политического предубеждения о «косной провинции» и «демократической столице», что еще больше укрепило потенциал регионализации в российском обществе.

⁸ Бунин И., Зудин А., Макаренко Б., Макаркин А. Карнавала не будет. Политические будни большой реформы // *НГ – Сценарии*. 2001. 10 июня. № 6. С. 2. Заслуживает внимания их оценка ельцинского лидерского стиля как «бифуркационного» («нахождение судьбоносных «развилок», когда один шаг власти мог направить Россию по существенно разным сценариям развития») и противопоставление его путинскому стилю правления как «линейному».

⁹ См.: Там же. По мнению Пола Гобла, действия Ельцина были не просто наиболее эффективны во времена кризисов — в решающие поворотные моменты он даже скорее сам конструировал кризис, чтобы воспользоваться возможностью изменить параметры своего политического режима или политической ситуации. – См.: *Goble P. Yeltsin's Political Calculus // RFE/RL NewsLine*. 1999. May 12.

Ульяновская область занимала особое место в первые годы посткоммунистической России. В период наиболее активной фазы гайдаровских реформ (1992-1993 гг.) этот регион стал объектом экстравагантных представлений, сенсаций и всяческих слухов, в конечном счете вызванных тем, что ульяновское руководство выступило против политики «шоковой терапии» Гайдара-Ельцина. Благодаря административному регулированию и введению талонной системы нормирования продуктов, цены на продовольствие были здесь в 2-3 раза ниже, чем по всей России. Обозреватели и аналитики заговорили об ульяновском «феномене», и Ульяновск на короткое время стал одним из самых заметных очагов локального политического вызова Центру. В ответ область получила от ельцинского окружения ярлык «российской Вандеи», сопротивляющейся проведению рыночных реформ. Позднее, с подачи столичных радикал-журналистов, регион был представлен как место, где правит бал коммунистическая номенклатура во главе с «красным администратором» Юрием Горячевым.

Как показали политические события начала 1990-х гг., связанные со взлетом бывшего губернатора области Юрия Горячева, в Ульяновске население нуждалось в подлинном социальном патронаже, но сами местные руководители называли такой курс «мягким вхождением в рынок». Символы ульяновской политики образца 1992-1995 гг. – талонная система, административное регулирование, устойчивая социальная ориентация – делали из Горячева народного лидера, приверженца антилиберального эгалитаризма. Роль народного защитника стала для него ритуальным выражением массовых патримониальных ожиданий, возникших в самом начале 1992 г. перед лицом мифических ужасов «шоковой терапии»¹⁰. Весьма точно эту связь выразил в свое время корреспондент газеты *Уолл Стрит Джорнел* Ади Игнатиус: «Было бы нелегко запустить ульяновскую модель в действие, если бы за пультом управления не стоял лидер, подобный господину Горячеву, – умный, отечески следящий за подопечными»¹¹. Сам Горячев на этом этапе своей карьеры также предпочитал апеллировать к народу и не желал идти на компромисс с какими-либо политическими силами. В итоге, так называемый «ульяновский феномен»

¹⁰ [Механизм проведения данной политики, а также ее популистская интерпретация местными властями](#) исследованы в работах А. Магомедова и К. Мацузато. – См: Магомедов А.К. [Политическая элита российской провинции// МЭиМО. 1994 № 4. С. 72–79](#); Он же. Политический ритуал и мифы региональных элит // *Свободная мысль*. 1994. № 1; Matsuzato K. The Split and Reconfiguration of Ex-Communist Party Factions in the Russian Oblasts // *Democratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*. 1997. № 1.

¹¹ Цит. по: *Симбирский курьер*. 1994. 14 апреля.

стал чуть ли не самым заметным явлением региональной России, а в рамках противодействия политике «шоковой терапии» получило развитие «локальное геройство» ульяновского губернатора.

В основе формирования ульяновского «замка» лежал принцип локальной кадровой и ресурсной мобилизации, осуществленный на местническо-земляческой почве. Как и во многих других российских регионах, после августа 1991 г. правящая элита Ульяновска не понесла ощутимых потерь в организационном и персональном отношениях. Стратегические позиции, дающие возможность принимать решения и определять приоритеты местной политики, сохранились за прежней властвующей группой. В Ульяновске эта группа представляла собой замкнутое и однородное целое, в полной мере унаследовавшее старую номенклатурную корпоративность. Сплоченность местной правящей элиты обеспечивалась посредством взаимопроникновения различных узлов власти и взаимопереплетения карьер. Она рекрутировалась из недр бывшего партийно-хозяйственного актива благодаря прежним связям и кругу служебных знакомств. Взаимоотношения внутри нее отличались глубокой приверженностью правилам предписанных ролей. Такая структура власти стала функциональной необходимостью для существования того, что называли «ульяновским феноменом». В итоге, слепопутчевый (1991 г.) региональный консерватизм способствовал сохранению сильной политической опеки над экономикой и принципов административного управления.

Главной чертой, характеризующей локализацию власти, являлся переход бывших партийных чиновников в сферу бизнеса. Самый факт подобного перемещения, получившего во Франции остроумное название «пантуфляж» («надевание домашних тапочек»), был характерен для «новой России» в целом. Однако в Ульяновске этот процесс имел устойчивую местную специфику. Во многих российских регионах бизнес стал своего рода отстойником, в котором оседали «выбитые» из властных ячеек партчиновники. В Ульяновске же подобные переходы явились одним из этапов их циркуляции в рамках единой корпорации власти. Действия губернатора и областной администрации были направлены на поддержку привилегированного положения специально созданных коммерческих структур, деятельность которых во многом способствовала функционированию талонной системы распределения продуктов, которая сохранялась в регионе до весны 1995 г. Так, постановлением главы областной администрации от 29 апреля 1993 г., был установлен определенный порядок вывоза товаров, который распро-

странялся на всех субъектов хозяйственной деятельности независимо от формы собственности. Согласно этому постановлению, лишь таким крупным «придворным» организациям, как агропромышленный комбинат «Свияга», акционерное общество «Ульяновскзерно» и фирма «Ульяновскоблрезерв» была предоставлена монополия на беспрепятственный вывоз сельскохозяйственной и промышленной продукции за пределы области, а все другие коммерческие организации и частные лица без специального разрешения властей этого права были лишены¹².

Описанная ситуация — один из случаев «неформального управления», построенного на первичных связях губернатора Ю. Горячева с руководителями перечисленных структур-монополистов. Последние являлись его соратниками либо по прежнему «партхозактиву», либо по службе в областной администрации. Именно такая практика сделала возможным пополнение специального внебюджетного фонда средствами, полученными от разницы в закупочных ценах, и денег, заработанных упомянутыми привилегированными фирмами в результате реализации товаров. Эта разница стала одним из источников дотаций населению на основные продукты питания согласно ульяновской экономической модели «мягкого вхождения в рынок». Подобная система ограничивала возможности других политических акторов и существовала благодаря ингрупповому фаворитизму в рамках правящей элиты и аутгрупповой дискриминации по отношению к политическим «чужакам». Эта система административного предпринимательства, которая в окончательном виде сложилась к середине 1990-х гг., позволяла, по словам Натальи Зубаревич, «замыкать финансовые потоки на губернатора и его клиентелу»¹³.

Таким образом, по совокупности экономических и политических тенденций период формирования региональных «замков» соответствовал стадии «закрывания» регионов. Это была по-настоящему эпохальная ельцинская эпопея неуправляемой децентрализации государства и хаотической фрагментации общества. Основные черты феномена политического и экономического «закрывания» регионов выделены все той же Зубаревич. Они таковы:

– усиление закрытого характера региональной экономики в условиях свертывания хозяйственных связей;

¹² *Ульяновская правда*. 1993. 30 апреля.

¹³ Зубаревич Н. Пришел, увидел, победил? (Крупный бизнес и региональная власть) // *Pro et Contra*. 2002. Т. 7. № 1. С. 108.

- доминирующая роль губернатора и контроль правящей элитной группировки над основными хозяйствующими субъектами;
- оформление института административного предпринимательства;
- замкнутость и слабая межрегиональная мобильность элит, снижение территориальной подвижности населения¹⁴.

Данные характеристики полностью соответствуют описанным нами параметрам ульяновского «замка». Как уже отмечалось, в основе его складывания лежал принцип локальной кадровой и ресурсной мобилизации, реализованный в пределах местническо-земляческих сетей взаимодействия.

Как это ни покажется странным, но такую же систему Горячев не без успеха начал выстраивать и в своих взаимоотношениях с федеральными органами власти в регионе. Руководители ключевых федеральных структур постепенно «встраивались» в создававшуюся им корпорацию власти и стали зависеть от него, а иногда и прямо подчиняться ему. Быстрое перетекание власти из Центра в регионы сопровождалось постоянными реорганизациями и перетрясками федеральных ведомств, особенно силовых. Напротив, набиравшие силу региональные правители стремились всячески подчинить себе федеральные органы власти в провинции. В первую очередь речь идет об органах КГБ-ФСБ, которые в СССР имели репутацию наименее коррумпированных. В этом плане Ульяновск представляет собой яркий пример сращивания региональной исполнительной власти и местного ФСБ.

Во главе регионального управления ФСБ был поставлен человек, которого с областной исполнительной властью объединяли партийно-комсомольская карьера и земляческие связи. Не случайно шеф ульяновского УФСБ не довел до конца ни одного оперативного дела по коррупции в местных органах власти. Более того, он лично и на глазах подчиненных уничтожал оперативные материалы на одного из руководителей области¹⁵. Не осталось незамеченным и сращивание УФСБ с крупными коммерческими структурами области, которые опекались близкими губернатору людьми. Так, жена самого шефа УФСБ являлась начальником отдела в ульяновском отделении Сбербанка России, причем службу безопасности этого банка возглавлял один из высших чинов регионального управления ФСБ. Та же ситуация сложилась и в охране АО «Про-

¹⁴ Там же. С. 109.

¹⁵ *Симбирские губернские ведомости*. 1997. 25 января; 1999. 12 января.

довольствие» – одной из крупнейших в регионе коммерческих структур, которой руководил сын губернатора Олег Горячев, он же – депутат законодательного собрания области¹⁶.

В конце января 1997 г. в связи с деятельностью руководителя регионального управления ФСБ в области разразился скандал. Поводом к нему явилось его вмешательство в избирательный процесс и стремление оказать давление на кандидатов во время выборов глав местного самоуправления, особенно во Вешкаймском районе, где на руководящий пост проталкивался человек, нужный областной администрации. Скандал разрастался стремительно и удержать его в масштабах области не удалось. По инициативе депутата от КПРФ по Ульяновской области Александра Кругликова, бывшего соперника Горячева на губернаторских выборах 22 декабря 1996 г., эта история стала предметом разбирательства в Государственной Думе. Глава ульяновского УФСБ был уволен лишь после того, как парламентарии направили запрос в ФСБ России на имя ее тогдашнего директора Николая Ковалева¹⁷.

Особое внимание губернатор Горячев уделил установлению союзнических отношений с командованием 104-й дивизии (позднее – 31-й бригады) воздушно-десантных войск, переведенной в Ульяновск из азербайджанского города Гянджи. Их постепенное сближение имело следствием создание политического альянса, который окончательно сложился в 1999 г. На выборах в Государственную Думу в декабре этого года командир бригады генерал Вадим Орлов был выдвинут кандидатом в депутаты, фактически, уже как человек областной администрации. Во время избирательной кампании весь административный ресурс губернаторской команды был брошен на поддержку этого генерала, который и победил по одномандатному избирательному округу. Юрий Горячев создавал законченный тип локальной «партии администрации», которая стала порождением специфического ульяновского номенклатурного клана, отличавшегося сплоченностью и единством еще в доперестроечные времена. Это объединение сложилось после августа 1991 г. как неформальная, но хорошо организованная группировка, контролировавшая властные структуры и бизнес в ульяновском регионе вплоть до своего падения в конце 2000 г.

Интересно проследить дальнейшую эволюцию региональных политических «замков». Начиная с середины 1990-х годов и особенно по-

¹⁶ Там же. 1997. 25 января.

¹⁷ Там же. 1999. 12 января.

сле августовского дефолта 1998 г., который привел к резкому денежному сжатию в стране, сформировавшиеся региональные режимы начинают выборочно «осушать рвы» и «наводить мосты», сокращая уровень локального обособления и уменьшая масштаб политического вызова федеральному Центру. Фаза консолидации региональных режимов (строительство «замков») сменяется стадией селективного включения («осушение рвов» и «возведение мостов»). К этому времени региональные идеологии, в начале 1990-х гг. бросавшие вызов Центру, нашли самоуспокоение от самореализации. Выгоды, привилегии и санкции, полученные ими или завоеванные в результате политического самоутверждения, усредняли требования и нейтрализовывали первоначальный порыв. Получив вожделенные права на распоряжение собственностью, ресурсами, политическими и экономическими институтами, правящие элиты регионов заземляли пафос локальных «замков» до чиновничьей повседневности. На этой стадии происходила рутинизация харизмы региональных лидеров, символов и смыслов локализма, а полученная власть начинала выступать уже не как средство, а как самоцель. Еще одним фактором эволюции региональных политических режимов стали определенные гарантии несменяемости региональных руководителей, подгонка правовых актов под конкретные персоны.

Эволюция политического лидерства Юрия Горячева проходила в полном соответствии с данной тенденцией. Уже к середине 1990-х гг. он растерял имидж «героя» и «защитника», его харизматический ореол сменился бюрократической умеренностью. С этого момента политическая активность Горячева начала адаптироваться к меняющейся политической конъюнктуре. Лояльность к Кремлю в сочетании с поддержкой бывшего управделами Администрации Президента П. Бородин (выпускника Ульяновского сельскохозяйственного института, в котором учился и Ю. Горячев) создали и воспроизводили ситуацию взаимного попустительства, одинаково устраивавшую и Ельцина, и Горячева. По линии Центр — периферия эта тенденция означала окончательную стабилизацию взаимоотношений Москвы и Ульяновска¹⁸.

¹⁸ Именно в это время, в июле 1997 г., Президент Ельцин наградил Ю. Горячева Орденом Почета. В Кремле так прокомментировали это награждение: «Пока есть сеть регионов, которые называются красными. Но отношение к Ульяновской области в последнее время сильно переменялось, потому что мы начинаем работать с конкретными руководителями, а не с тем имиджем, который им прилепили». — *Симбирские губернские ведомости*. 1997. 12 августа.

Пытаясь проанализировать сложившуюся ситуацию, исследователи нередко обращались к «само-термидорианской» концепции, согласно которой любой политик-мятежник, претендующий на власть, получив ее, становится стабильным авторитарным правителем¹⁹. Данная трансформация заключается в переходе от радикального романтизма «локальных героев» к самовосхвалению «крепких хозяев». Помимо Юрия Горячева так случилось и с другими вождями российского регионализма, поднимавшими свои регионы против реформ Ельцина-Гайдара – М. Шаймиевым (Татарстан), М. Рахимовым (Башкирия), М. Николаевым (Якутия) и т.д. Указанная тенденция совпала с политическим закатом ельцинизма, основной целью которого к концу столетия стало сохранение собственного лидерства. Как отметил Ричард Саква, весьма ограниченная природа такой задачи привела к тому, что даже слово «реформа» перестало иметь какое бы то ни было содержание, кроме символического, оставаясь просто лингвистическим сигналом.²⁰

Спекулятивное затягивание переходного периода лишило ульяновскую правящую элиту присущей ей интуиции и властной энергии начала 1990-х годов. Это обрекало ее и ее лидера Ю. Горячева на бесконечный торг и неэффективность. Поэтому региональная элита оказалась абсолютно не готова к внезапному уходу Ельцина с политической сцены, а появление на ней Путина и монополярная реклама «Единства» деморализовали и запутали ее. В начале февраля 2000 г. с откровенно антипутинским заявлением выступила газета *Ульяновская правда*, учредителем которой являлась областная администрация. Говоря о Путине, эта газета, которая во все времена выступала глашатаем областного официоза, опрометчиво заявила, что «этот преждевременно исполняющий обязанности» «ведет Россию курсом антинародных реформ»²¹.

Описанный эпизод явился отражением тяжелого и противоречивого процесса адаптации областной администрации к движению «Единство» как путинской протопрезидентской партии. Сначала Горячев отказался от связей с этим движением под тем предлогом, что за ним якобы стояла фигура Березовского. Но затем, осознав свою

¹⁹ *McFaul M., Petrov N.* Russian Electoral Politics After Transition. Regional and National Assessments // *Post-Soviet Geography and Economics*. Vol. 38. 1997. N. 9. P. 537; *Мацузато К.* Электоральная география в России — белый, красный, серый и взрывной пояса // *Взрывной пояс-96. Российские регионы и электоральное поведение* / Под ред. К. Мацузато. Саппоро, 1999. С. 21.

²⁰ *Саква Р.* Политика ельцинизма (Рец. на кн. Л. Шевцовой «Режим Бориса Ельцина») // *Конституционное право: Восточноевропейское обозрение*. 2000. № 1. С. 252, 253.

²¹ *Ульяновская правда*. 2000. 5 февраля.

ошибку и убедившись в том, что в лице этого движения формируется новая «партия власти», ульяновская администрация бросилась вдогонку. Быстрыми темпами было сколочено региональное отделение движения «Единство», во главе которого был поставлен заместитель губернатора Александр Павлов – по аналогии с тем, как несколькими годами ранее другой его заместитель, Юрий Рогов, возглавил местное отделение НДР, «партии власти» того времени. Однако этим стремление Горячева присягнуть на верность Путину подобно тому, как в средние века феодалы клялись в верности своему сюзеру, не ограничилось. В ходе проведенного вице-премьером Виктором Христенко 25 января 2000 г. общероссийского селекторного совещания, воспользовавшись моментом, ульяновский губернатор заявил: «Скоро весна. Сев. Выборы, Мы все в одной команде, команде Путина»²². Несмотря на все это, в целом Горячев так и остался пассивным наблюдателем смены власти в Кремле.

1.2. Краснодарский край в 1990-е годы: от «опричной колонии» федерального Центра к оппозиционной «Вандее». В совершенно ином ключе развивалась история кубанского политического «замка». Его формирование как общероссийского феномена проходило в середине 1990-х годов, когда «ульяновская модель» уже начала терять политический напор и оппозиционную энергию. На Кубани шел процесс превращения края из «опричной» колонии федерального Центра²³ в оппозиционную «Вандею». Эта метаморфоза выразилась в возвращении во власть бывшего председателя крайисполкома Николая Кондратенко в результате губернаторских выборов 1996 г.

Н. Кондратенко — пример лидера, всегда остающегося «мятежником», независимо от того, «со щитом» он или «на щите». Его победа в 1996 г. привела к тому, что как избирательные кампании в крае, так и политический процесс в целом заметно поляризовался и идеологизировался. Произошла своего рода партийная мобилизация на основе персонального харизматического вождизма. В отличие от большинства губернаторов и президентов российских регионов, которые к концу ельцинского правления «окопались» в «авторитарных

²² *Симбирский курьер*. 2000. 27 января.

²³ Подробнее см.: *Магомедов А.* Межполитические отношения и формирование региональных партийных систем в новейшей России // *Пространственные факторы в формировании партийных систем. Диалог американистов и постсоветологов* / Под ред. К. Матцузато. Сарго, 2002. С. 23–60. Автор благодарен проф. К. Мацузато, который поделился с ним идеей об «опричнизации» Кубани в первой половине 1990-х годов.

заставах», Кондратенко превратил свою «вотчину» в «мятежную цитадель красного пояса». Таким образом, политическое развитие Краснодарского края во второй половине 1990-х гг. представляет собой яркий пример эволюции, связанной, в первую очередь, с триумфальным возвращением на ведущие позиции «локального героя»: на губернаторских выборах в декабре 1996 г. Кондратенко набрал 82% голосов избирателей. Комментируя эти цифры, британский профессор Мэри Маколи проницательно заметила, что победа Кондратенко, возможно, даже больше, чем победа демократов в 1991 г., означает наступление нового порядка²⁴. С возвращением Кондратенко завершился период «опричничания» региона федеральным Центром и началась интенсивная идеологизация местной политики.

Подобные перемены были обусловлены изменением характера межполитических отношений по линии Центр — периферия. Организационно-структурным основанием этого поворота стал выход на региональную политическую авансцену мощной и мобилизованной партийно-политической силы. Речь идет о кубанском движении «Отечество», усилиями губернатора превращенного в электоральную и политическую машину продолжительного действия, которую не следует отождествлять с одноименным движением Лужкова-Примакова. В 1996-2000 гг., т.е. в период губернаторства Н. Кондратенко, это движение фактически являлось кубанской «партией власти».

Из всего сказанное очевидно, что новый губернатор не пошел по пути своих прокремлевских предшественников. В числе прочего это нашло выражение в кадровых чистках при формировании нового краевого правительства. Основным мотивом отставки прежних руководителей структур краевой администрации являлась их причастность к тем, кто прямо или косвенно поддерживал «преступную политику, приведшую к разграблению Кубани». Им на смену пришла команда активистов «Отечества», отобранная по жестким идеологическим критериям. Эффективно реализовать мессианский комплекс спасителя России от «заговора международного сионизма», в существовании которого Кондратенко был искренне убежден, удобнее всего было в организации типа «Отечество». Только опираясь на подобную идеологическую химеру можно было соединить организационно-человеческий капитал коммунистов с идеологией национализма.

²⁴ *McAuley M. Russia's Politics of Uncertainty. Cambridge University Press, 1997. P. 155.*

Указанные обстоятельства обусловили небывало резкую оппозиционность нового губернатора курсу реформ Президента Ельцина. Лейтмотивом этой оппозиционности в заявлениях и действиях Кондратенко стало нарастание катастрофических тенденций как в России, так и в регионе. Весь первый год его управления прошел под знаком «регионального спасения» как альтернативы достижению «региональной стабильности». Кондратенко сумел соединить обустройство и упорядочение региона (функция «хозяина-устроителя земли») с защитой населения (функция «героя-заступника»). Все это вполне соответствовало политической позиции кубанского губернатора, который прямо заявлял: «Вся проводимая в России политика является последовательным геноцидом российского народа (в первую очередь русского), осуществляемая в угоду и под непосредственным контролем транснациональных империалистических сил». В его деятельности возобладала мобилизационная составляющая, при которой даже чисто экономическая проблематика романтизируется борьбой со злом и необходимостью наказания виновных. В реализации и этого рода лидерства идеальным организационным и кадровым механизмом снова явилось кубанское «Отечество».

Харизма – феномен по преимуществу иррациональный, а Кондратенко превратился уже не просто в харизматическую, а в культово-знаковую фигуру, в символ всего кубанского для очень значительной и не только простонародной, как принято считать, части электората. Такой уровень популярности действующего губернатора в новейшей российской истории вещь совершенно уникальная. Многие региональные политики – Ю. Горячев, А. Руцкой, А. Лебедь, К. Илюмжинов и т.д. – приходили во власть на пике популярности, но никто из них не сохранил ее в том же объеме за годы пребывания в губернаторском кресле. Что же касается Кондратенко, то, по данным социологов, он и летом 2000 г. мог рассчитывать на 60-70% голосов в городах края и на 80-90% в сельских районах.

Фигура, подобная Краснодарскому губернатору, могла гарантировать высокие результаты голосования за политического актора – будь то личность или политическое движение, причем не только регионального уровня. Ультра-мобилизация голосов, осуществлявшаяся благодаря кубанскому движению «Отечество», была использована как экстраординарная электоральная и весьма эффективная мера в решающие политические моменты, будь то всероссийские избирательные кампании или местные выборы. Так, в декабре 1999 г., в самый

разгар предвыборной борьбы в Государственную Думу, губернатор Кондратенко выступил не только как региональный вождь, но и как оппозиционный трибун федерального масштаба. В своем «Обращении к землякам и всем соотечественникам», 9 декабря опубликованном в газете *Советская Россия*, он заявил, что приближающиеся думские выборы «по своему значению для России сравнимы с Куликовской битвой и главными сражениями Великой Отечественной войны». Он призывал голосовать за КПРФ как за объединение, «ведущее последовательную и принципиальную борьбу за спасение России», и «наше кубанское «Отечество»²⁵.

В отличие от описанной В. Авдониным ситуации, когда выборы в Думу в Рязанской области привели к подрыву электоральной монополии КПРФ в регионе, в Краснодарском крае компартия смогла сохранить свои позиции – во многом благодаря предвыборному призыву Кондратенко. Коммунисты и их союзники получили здесь 42,2% голосов, в то время как по России — лишь 29,9%. Поддержка, оказанная на Кубани блоку «Единство», также оказалась выше общероссийской (36,1% голосов и 35%, соответственно). В то же время, демократы и некоммунистические силы с неопределенной платформой получили здесь меньше голосов, чем в среднем по стране. Судя по всему, сработал предвыборный призыв губернатора «не распылять голоса» и его предостережения о том, что отдав голоса «понемногу разным партиям и кандидатам, мы потеряем их и опять допустим к власти разрушителей России»²⁶.

Только лидер, обладающий такой безоговорочной поддержкой населения, как Кондратенко, мог осенью 2000 г. совершить поистине «ельцинский» (читай – царский) поступок – передать власть своему официальному наследнику. Им стал соратник губернатора по кубанскому «Отечеству», депутат Госдумы Александр Ткачев. На губернаторских выборах 3 декабря 2000 г. он набрал 82% голосов именно как преемник кубанского «батъки». Сам Кондратенко переместился в Совет Федерации как представитель Краснодарского края, и сегодня его роль в политической жизни региона заметно снижается. Уход Кондратенко выглядит вполне закономерным. Он обусловлен обстоятельствами как объективного, так и субъективного плана. Среди субъективных причин на поверхности лежит изменение общеполитической ситуации, вызван-

²⁵ *Советская Россия*. 1999. 9 декабря.

²⁶ Там же.

ное неожиданной отставкой Б. Ельцина – Кондратенко нечего было противопоставить Путину как «руководителю уровнем выше». Феномен политической референции «Кондратенко-Путин», а также объективные причины ухода Кондратенко из местной политики будут рассмотрены в следующих разделах.

2. Российский регионализм в условиях политических преобразований Президента Путина

На исходе XX столетия стало очевидно, что цена относительной политической стабильности и сохранения режима Ельцина для российского общества непомерно высока. Социологические исследования показывали, что к концу 1990-х годов общественное мнение оценивало ситуацию в сфере, например, территориально-государственного устройства России как остро кризисную. В этом смысле федеративная реформа Президента Путина стала принципиальным ответом на общественный запрос²⁷.

Политические нововведения Путина были направлены на подчинение региональных лидеров Кремлю и ликвидацию самостоятельных центров региональной власти. Создание семи федеральных округов и института полномочных представителей Президента (ППП), контроль Центра за региональными силовыми структурами, изменение в пользу федерального правительства налоговой и бюджетной систем привели к серьезному перераспределению власти и ресурсов. В конечном счете комплекс рецентрализаторских мер Путина серьезно ослабил региональные власти. К достижению этой цели новые кремлевские правители шли также через ограничение административного предпринимательства на местах, тем самым создавая условия для разрушения региональных «замков». Попробуем ответить на вопрос, в какой степени изменился характер взаимоотношений Кремля и региональных «держателей власти» после начала реформ Путина.

Создание института ППП в контексте других аспектов федеральной реформы безусловно повлияло на региональных лидеров, прежде всего в плане перемены психологической атмосферы и восприятия регионами интенций федеральных властей. Реакция губернаторов на новую политику Кремля была различной и в конечном счете

²⁷ *Полис.* 2002. № 3. С. 123–125.

зависела от властных, экономических и геополитических ресурсов, имевшихся в их руках. В свою очередь, внимание федерального Центра к тому или иному региону определялось наличием или отсутствием таких ресурсов.

2.1. Ульяновская область в путинской России: от регионального «замка» к «региону-жертве»²⁸. Затянувшееся правление губернатора Юрия Горячева, для которого были характерны нетворческий авторитаризм в политике и режим антиразвития в экономике, породил в регионе эффект политического «болота». В отличие от Татарстана, Башкортостана, Саратовской и Самарской областей, в распоряжении ульяновской элиты не оказалось ни ресурсов для сопротивления грядущей путинской централизации, ни стратегии выработки новой политико-экономической модели. В конечном счете этот застой обусловил падение режима Горячева.

Хотя Горячев надоел всем, но другие региональные политики были слишком мелки, чтобы составить ему реальную конкуренцию. Таким образом, внутренние источники политических изменений были слабы, и к концу 1990-х гг. многие влиятельные участники местного политического процесса пришли к выводу, что «оккупация» региона внешними силами была бы предпочтительнее продолжения горячевского правления. Сегодня трудно оценить, насколько глубоко этот план был проработан. Скорее, можно говорить о чувствах отчаяния и безысходности, которые овладели местными антигорячевскими активистами и толкнули их к действию. Поскольку в условиях прогрессирующей деградации региона горячевский режим рисовался в виде трупа, населенного паразитами, ими делался вывод о необходимости призвать «крепкую руку» для «дезинфекции» и расчистки области. Согласно этому сценарию, сильная личность со стороны должна была освободить поле для реализации общественно необходимых преобразований, а окружение «варяга» – устранить тесно спаянную горячевскую команду, которая контролировала местные власть и ресурсы. Надежды на перемены вселило появление в качестве кандидата на пост губернатора «отца-командира», героя чеченской войны генерала Владимира Шаманова.

Этот генерал, поддержанный большинством общественно-политических сил как в Центре (в диапазоне от Зюганова до Чубай-

²⁸ Термин «регион-жертва» так же, как понятие «замок», не несет в себе концептуального содержания. Он отражает объективное состояние региона в результате краха горячевской локальной модели-«замка».

са), так и в области (от ульяновской мэрии до руководителей партий и духовенства), получил все шансы на победу. Как писала одна из местных газет, для того, чтобы занять губернаторское кресло, Шаманову хватило бы звания Героя России, своей собственной харизмы, задушевных бесед с людьми и тупости горячевского предвыборного штаба²⁹. Сложившаяся коалиция местных и пришлых игроков, ориентированная на смену власти, имела своим результатом «опрокидывающие» выборы, которые полностью разрушили прежнюю конфигурацию политических субъектов и интересов в регионе. Губернаторские выборы, которые состоялись в декабре 2000 г., при 70% явке избирателей дали 56,25% голосов Шаманову и лишь 23,48% голосов Горячеву.

Дальнейшие перемены оказались даже более впечатляющими, чем эти результаты. Их можно оценить как яркий пример «колонизации» региона сторонними силами. Оба эти обстоятельства вновь поставили Ульяновскую область в «особое положение», но уже с обратным знаком – в отличие от «региона-замка» образца начала 1990-х гг., она в одночасье превратилась в объект экспансии внешних экономических интересов, а местная политическая и хозяйственная элита обратилась в подчиненного игрока. Главной силой, на которую опирался генерал Шаманов и которая привела его к победе, были неульяновские и внекремлевские финансово-промышленные группировки (ФПГ). Именно они предоставили генералу необходимые средства и технологии, и естественно, что их представители вскоре стали основными действующими лицами местной политической сцены, составив ближайшее окружение вновь избранного губернатора. На ключевые посты в регионе были назначены люди со стороны, плохо знакомые с местными проблемами и действовавшие в своих интересах. 8 из 10-ти заместителей Шаманова были приезжими, и даже руководители комитетов, управлений и отделов областной администрации более чем на 60% состояли из «варягов».

Первоначально в администрации губернатора действовало пять группировок: группа военных (самая многочисленная и, естественно, наиболее близкая к генералу); самарская (ее представители составили группу заместителей главы региона по промышленности, транспорту и экономике); московско-клинская (еще именовавшаяся «михалковской», по имени известного кинорежиссера, который поддерживал генерала на выборах и, имея в Ульяновской области свои интересы, пролоббировал

²⁹ См.: *Симбирские известия*. 2002. 26 сентября. № 40.

назначения своих людей); курская (названная так потому, что ее ведущие представители в прошлом работали в администрации Курского губернатора Александра Руцкого) и ульяновская (в виде остатков прежней горячевской команды, представители которой возглавили самые проблемные направления, главным образом связанные с текущим жизнеобеспечением региона). В кадровой политике Шаманова влияния Центра не просматривалось, и ни в одной из перечисленных группировок назначенцы «сверху» не преобладали.

В первое время на уровне массового сознания как ульяновцев, так не-ульяновцев новый губернатор успешно играл роль «системного положительного героя». Данное обстоятельство не могло не тревожить Администрацию Путина и ППП. Отчасти этим можно объяснить то, что как Президент, так и его Приволжский полпред одинаково старались держать Шаманова на расстоянии и не вступать с ним в сколько-нибудь существенные политические альянсы. Не в последнюю очередь подобное отношение объяснялось периодически появлявшимися слухами о том, что некие оппозиционные Путину олигархи сделали ставку на генерала как на возможного будущего Президента России³⁰.

Новое окружение Шаманова заявило о своих претензиях на местные ресурсы и контроль над ключевыми властными позициями. При этом в Ульяновске не произошло взаимной адаптации пришлых и местных действующих лиц, составлявших прежде выигрышную антигорячевскую коалицию. «Варяги-победители», пришедшие к власти, приступили к разделу ресурсов и должностей, не нуждаясь при этом в установлении функционального альянса с местными политиками и общественностью. В итоге, местные политические и хозяйственные элиты подверглись быстрой маргинализации, и коалиция «победителей» либо разрушалась, либо приспосабливалась к своим нуждам доставшиеся им в наследство институты горячевского режима. Важнейшей мерой в этой связи и, одновременно, кадровым штрихом в операции по «дезинфекции» региона стал перевод в Москву наиболее влиятельных членов горячевской команды – Сергея Рябухина и Валерия Сычева³¹.

Как указывалось выше, новые заместители и советники губернатора не были укоренены в региональную политическую и социальную почву и явились полной противоположностью горячевской элите, в свое

³⁰ См., напр.: *Абрамова Е.* Замена Путина, или Шаманов — следующий Президент // www.smi.ru 8 марта 2001 г.

³¹ Первый, председатель областного законодательного собрания, был переведен на должность инспектора Счетной палаты, а второй стал сенатором от Ульяновской области.

время отобранной по чисто местническо-земляческому принципу. Как и следовало ожидать, отсутствие преемственности власти и приход в нее циничных «победителей» абсолютно исключили возможность взаимопонимания между различными фракциями губернаторского окружения. Группировки «победителей» изначально были настроены на монопольное властвование, и одно это исключало всякую возможность внутрикорпоративного сотрудничества в окружении губернатора. Однако очень скоро ситуация в стане победителей обострилась – началась борьба заместителей Шаманова за право курировать региональные предприятия и финансовые потоки. Если первоначально заезжие чиновники держались вместе, объединенные стремлением оттеснить ульяновцев от власти, то когда цель была достигнута и выходцы из Москвы, Самары и других городов заняли более или менее выгодные должности, вплоть до охранников и водителей, они втянулись в ожесточенную борьбу за передел региональной собственности. При этом Шаманов и его окружение не собирались считаться с устоявшимися неформальными правилами местных политических и экономических игроков. Формальная и неформальная зависимость нового губернатора от внешних денег и ресурсов наложила серьезные ограничения на возможности его персонального политического лидерства. В итоге «общероссийское геройство» Шаманова оказалось гораздо более уязвимым на локальной почве, чем «локальное геройство» Ю. Горячева, получившее общероссийское признание десятью годами раньше.

В общем, первый же год правления Шаманова прошел под знаком междоусобной войны в его окружении. В конечном счете победу одержала более сплоченная «кинематографическая группировка» ставленников Никиты Михалкова. Дмитрий Пиорунский, его «правая рука» по Союзу кинематографистов и Фонду культуры, стал советником Шаманова, а позднее вице-губернатором по экономике; вице-губернатором же был назначен товарищ Михалкова Сергей Ильинский; зять режиссера Альберт Баков получил должность полпреда области при правительстве России; Михаил Миримский, приближенный Михалкова, стал еще одним советником губернатора. «Режиссерский блок» превратился в реальную власть в регионе. Уходя с поста заместителя Шаманова, Валентин Денисов на пресс-конференции сообщил журналистам, что настоящим губернатором области является Пиорунский, а генерал лишь ретранслирует то, «что ему вкладывают в голову». Без визы Пиорунского, утверждал тот же Денисов, Шаманов ничего не подписывает, а если советник потребует отменить уже принятое решение, губернатор безро-

потно это делает³². Одним из результатов всех этих изменений стал рост областного чиновничьего аппарата: в течение двух лет расходы на его содержание выросли более, чем вдвое – с 60 млн руб. в 2000 г. до 145 млн в 2002 г.³³

Укрепив свои позиции, «режиссерский блок» начал передел областной собственности под предлогом пересмотра итогов приватизации. Примечательно, что группа Пиорунского уже имела опыт проведения подобных операций в Волгоградской области. «Режиссерский блок» начинает внедряться в наиболее доходные предприятия области с целью установить над ними свой контроль. Гендиректором ОАО «Симбирск-мука» становится Сергей Котелевский, родной брат коллеги Никиты Михалкова по кинематографическому союзу Александра Котелевского. Из ОАО «Продовольствие» изгоняется Горячев-младший, сын экс-губернатора, а его место занимает соратник Ильинского и Котелевского Игорь Медведев. Сами члены «режиссерского блока» из числа замов и советников Шаманова входят в состав советов директоров ведущих областных заводов и фирм. Так, кроме упомянутых «Продовольствия» и «Симбирск-муки», Пиорунский и Ильинский становятся членами советов директоров ОАО «Кварц», ОАО «Ульяновский сахарный завод», ОАО «Цильнинский элеватор», ОАО «Авиастар» и др. Внедрившись в руководящие структуры этих предприятий, «победители» начали передел их собственности в свою пользу, используя такие методы, как дробление предприятий, инициирование искусственных банкротств, увод активов за пределы области, передача предприятий на баланс частных организаций и т.д. В этой связи одна местная газета, оппозиционная шамановской администрации, с мрачным юмором предложила переименовать Ульяновскую область в ООО «Торговый дом «Кинематографисты и генерал»».

Наиболее показательна в этом ряду история ОАО «Авиастар» – предприятия, производящего самые крупные в мире транспортные самолеты «ТУ-204». Для начала ближайшее окружение губернатора во главе с тогда уже вице-губернатором Пиорунским занялось реализацией схемы увода из ульяновского авиакомплекса большой суммы денег (около 33 млн долларов) и хозяйственных активов. Затем во главе Акционерного общества была поставлена команда приезжих управленцев, ставленников «режиссерского блока». Началась открытая драка за

³² *Симбирские известия*. 2002. 19 сентября. № 39.

³³ Там же. 2002. 27 апреля. № 17.

«Авиастар», которая сопровождалась громкими скандалами в прессе³⁴. В конфликт интересов борющиеся стороны пытались вовлечь руководителей российского правительства и армии – от вице-премьеров И. Клебанова и Г. Грефа до начальника Генштаба А. Квашнина. Стабилизировать ситуацию и спасти активы авиакомплекса от растаскивания экспертами и советниками губернатора удалось лишь благодаря личному вмешательству Президента Путина и специальной правительственной комиссии³⁵. Избрание 15 января 2003 г. президентского полпреда С. Кириенко председателем совета директоров Ульяновского самолетостроительного завода помогло окончательно вывести «Авиастар» из-под контроля областной администрации.

Не менее скандальной была попытка захвата группой Михалкова Цильнинского сахарного завода. Попытку удалось пресечь только тогда, когда в дело вмешалась прокуратура, которая возбудила несколько уголовных дел на предприятиях, входивших в сферу интересов этой группировки. Стремление шамановского окружения к контролю над экономикой области было поистине безудержным: только за четыре первых месяца 2002 г. в Ульяновске было возбуждено 15 уголовных дел по фактам незаконной приватизации³⁶. Все это, естественно, приводило к усилению политического противостояния в области по линии «местные – пришлые». В отличие от укорененной в региональную почву горячевской элиты, которая была заинтересована в долгосрочном развитии своих коммерческих начинаний, «варяги-победители» вели себя как «пожиратели активов», вполне соответствуя знаменитым олсоновским «кочующим», или «странствующим бандитам» (roving bandits) с их погоней за сиюминутной выгодой любой ценой. Аналогия будет полной, если вспомнить прежний, волгоградский, опыт группы Пиорунского – члены группировки спешно покинула область, как только ими заинтересовалась прокуратура.

В общем, под прикрытием губернатора-«героя» формировалась своего рода колониальная администрация, которая пыталась обеспечить отток из региона экономических ресурсов и активов прибыльных предприятий. Эта ситуация показала неспособность генерала контролировать свое ближайшее окружение, которое, к тому же, оказалось весьма

³⁴ Наиболее ярким из них стал эпизод, преданный гласности сенатором Рамазаном Абдулатиповым, о том, как михалковское окружение Шаманова вымогало взятки у основного авиастаровского инвестора, египетского бизнесмена Ибрагима Камеля.

³⁵ *Эксперт*. 2002. № 37. С. 75.

³⁶ *Симбирские известия*. 2002. 25 апреля. № 17.

нестабильным. Всего за два года его губернаторства в администрации области сменилось 8 его заместителей, 2 начальника управлений, руководитель пресс-службы и представитель в федеральном правительстве. Но главный удар по его репутации нанесли беды с отоплением и электро-водо-снабжением области. Отключения электроэнергии, отсутствие горячей воды, холод в домах стали повсеместным явлением. Ульяновский регион оказался в центре громких чрезвычайных происшествий, когда жители в знак протеста перекрывали автомагистрали, гибли в пикетах под колесами грузовиков. Не менее бедственная ситуация сложилась в аграрном секторе. Так, по данным местной прессы, в результате «реформ» шамановской команды в сельском хозяйстве – разделения аграрной сферы на сельхозпроизводство и переработку – упадок ульяновской деревни пошел вперед семимильными шагами. Достаточно сказать, что в 2002 г. при огромном урожае ульяновский агропром понес убытки в 300 млн рублей. Другой пример: если в 2000 г. в Вешкаймском районе, одном из самых благополучных в области по сельскохозяйственным показателям, насчитывалось 83 хозяйства, то в 2003 г. их здесь осталось всего 10^{37} . Наконец, столичный журнал *Эксперт* в своем декабрьском номере за 2002 г. включил Ульяновскую область в число регионов с «негативными тенденциями инвестиционного климата», в связи с чем прогнозировал областному руководству серьезные проблемы³⁸.

Шаманов пришел в область в ореоле одного из спасителей России, боевым генералом, героем, вышедшим из окопов Чечни и Дагестана. Ныне политика безжалостно превращает его в картонного терминатора и бумажного тигра. Описанные процессы и события поставили под серьезное сомнение эффективность его лидерства, вызвав особое разочарование тех, кто поддержал генерала на губернаторских выборах 2000 г. Возможно, чувствуя такие настроения, особенно тревожные ввиду очередных губернаторских выборов 2004 года, в последнее время Шаманов начал избавляться от наиболее одиозных представителей «режиссерского блока». Так, в декабре 2002 г. Ульяновск покинул вице-губернатор С. Ильинский. Одновременно генерал все больше начинает поворачиваться лицом к местным политикам и администраторам. Явным симптомом этого стала недавняя публикация одной из прогубернаторских газет разгромной статьи о Пиорунском³⁹. Газета писала, что

³⁷ Там же. 2003. № 5.

³⁸ *Эксперт*. 2002. № 52; *Симбирский курьер*. 2003. 23 января. № 11.

³⁹ *Степанов А.* Охота на Пиорунского // *Жизнь* (Ульяновск). 2003. 14–20 февраля.

работники прокуратуры изъяли бухгалтерскую документацию из офисов ряда контролируемых его группировкой ульяновских предприятий и волгоградских фирм, и горевала о том, что, хотя уже целый год ведутся разговоры о том, что Пиорунский заинтересован в уходе активов этих предприятий «на сторону»⁴⁰, потребность в его удалении из администрации возникла только сейчас.

Не приходится сомневаться, что атака на столь прежде «непотопляемую» фигуру, как Пиорунский, ведется по инициативе старого «аппаратного волка» Олега Казарова, в конце 2002 г. назначенного руководителем группы советников губернатора. Поддержав Шаманова на губернаторских выборах, Казаров, тем не менее, два года оставался не у дел и только теперь начал продвижение к главе областной администрации, попутно атакуя Пиорунского. Избранный им момент подходит и Шаманову. Губернатор, возможно, решил, что уже в полной мере расплатился с Михалковым за поддержку на выборах и теперь готов не препятствовать удалению Пиорунского, который «давно дискредитирует имидж нашей области»⁴¹. Нейтрализация подобной одиозной фигуры усилиями испытанного ветерана компартии Казарова должна «очистить» губернатора от михалковского окружения перед грядущими выборами. К тому же, генерал остро нуждается в услугах местных политических авторитетов, которые в свое время поддержали его в борьбе с Горячевым и не отвернулись от него до сих пор. Эта срочность вызвана и тем, что бывший губернатор Юрий Горячев заявил о намерении в 2003 г. выставить свою кандидатуру на выборах в областное законодательное собрание и в Государственную Думу⁴². Возвращение экс-губернатора в политику, похоже, может создать для Шаманова серьезные проблемы. Уже сейчас многие жители области высказывают ностальгию по горячевским временам, испытав на себе последствия правления шамановской администрации⁴³.

⁴⁰ Как пишет эта газета, «вездесущий замгубернатора по экономике буквально заполонил собой область. Его «тень» — в пакетах акций практически всех крупнейших предприятий области. Члены его «киношной» команды контролируют оборот лекарств, алкоголя, зерна. И до сих пор никому не удавалось хоть как-то его «приструнить»».

⁴¹ Там же.

⁴² *Симбирский курьер*. 2003. 18 марта.

⁴³ Эти настроения не лишены оснований. Специалисты утверждают, что спасти положение, например, в сельском хозяйстве области может только немедленное объединение разделенных при Шаманове сельхозпроизводства и переработки под единым руководством и возвращение к горячевским методам поддержки сельхозпроизводителей. — См.: *Симбирские известия*. 2003. № 5.

Стремление сформировать работоспособную команду перед предстоящими выборами побудило Шаманова отправить в отставку еще одного крупного чиновника областной администрации, связанного с «режиссерским блоком» — своего заместителя по имуществу Анатолия Хвастунова. Поводом к отставке стало представление областного прокурора о нарушениях закона в процессе приватизации областного имущества⁴⁴. На место Хвастунова был назначен крупный предприниматель, глава страховой компании «Дина» Николай Повтарев, связанный с Шамановым и Казаровым еще по антигорячевской предвыборной коалиции. Из всех ульяновских политиков Повтарев обладает, пожалуй, наибольшим — десятилетним — опытом противостояния с Горячевым⁴⁵. Все это говорит о том, что у Шаманова резко сузилось пространство для политического маневрирования. Он ограничен в выборе союзников, поскольку долгое время выполнял роль агента внерегиональных политических сил и интересов. Сегодня он действует крайне осторожно даже при взаимодействии с союзниками из КПРФ. Более того, двойственное и неустойчивое положение генерала усугубилось после его вступления в нынешнюю партию власти — пропутинскую «Единую Россию», или партию чиновных «жирных котов» (в отличие от краснодарского А. Ткачева Шаманов не может позволить себе дистанцироваться от партий). В таких условиях Шаманову будет непросто сохранить альянс с КПРФ⁴⁶, который, в свою очередь, обещает ему значительную электоральную поддержку. В частности, стало известно, что в ответ на вступление Шаманова в «Единую Россию» рядовые коммунисты требуют от своих руководителей порвать с губернатором и перейти к нему в жесткую оппозицию⁴⁷. Да и отношения с самой «Единой Россией» у Шаманова складываются не слишком гладко — на последнем съезде партии в конце марта 2003 г. ему было отказано во включении в состав ее Генерального совета⁴⁸.

⁴⁴ *Аргументы и Факты—Ульяновск*. 2003. № 12.

⁴⁵ Подробнее см.: *Кругликов А.* Ульяновская область. Хроника событий: противостояние власти и оппозиции // Регионы России. Хроника и руководители. Саппоро, 1999. С. 197–235.

⁴⁶ Представители КПРФ уже третий год занимают различные должности в администрации губернатора. Коммунист Михаил Шканов, будучи первым заместителем губернатора, регулярно исполняет обязанности главы обладминистрации во время частых командировок Шаманова. О новом назначении коммуниста О. Казарова мы уже сказали.

⁴⁷ *Симбирский курьер*. 2003. 5 апреля.

⁴⁸ Самым интересным пунктом повестки дня съезда были кадровые вопросы. На этом съезде ряды руководящих партийных органов пополнились шестью губернаторами и одним вице-премьером. Однако на просьбу одного из делегатов включить в Генеральный

В целом, Шаманов играет в региональной политике нехарактерную для большинства губернаторов приниженную роль, дискредитируемый хищническими устремлениями своего собственного окружения, с одной стороны, и не имея поддержки Администрации Президента и межрегиональных ФПГ, с другой. Во взаимоотношениях с полномочным представителем Президента в Приволжском федеральном округе этот губернатор является зависимым партнером и, фактически, находится под наблюдением Кириенко. Данное обстоятельство объясняется процессами, связанными с экономическим «открыванием» региона, которое совпало с падением Горячева. Пока шамановское окружение боролось за перераспределение экономического потенциала области, в Ульяновск хлынули пришлые собственники, которые посадили на местные предприятия своих менеджеров. Новым хозяином Ульяновского автозавода (УАЗа) стал крупнейший российский холдинг «Северсталь», который возглавляет олигарх А. Мордашов; другой олигарх, глава «Сибирского алюминия» О. Дерипаска, стал распоряжаться Ульяновским моторным заводом; холдинг «Сладко» приобрел Ульяновскую кондитерскую фабрику «Волжанка» и т.д. Как правило, все новые ульяновские инвесторы являются конкурирующими между собой крупными финансово-промышленными группами, руководители которых, с одной стороны, стараются держаться в стороне от шамановской «команды», а, с другой, – ведут переговоры с губернатором на равных, как правило используя при этом полномочного представителя Президента С. Кириенко в качестве посредника, а нередко и своего заступника.

Практика взаимоотношений Кириенко с крупными бизнесменами, которые обосновались в Ульяновской области, вообще показательна. Так, в конфликте упомянутой «Северстали» с губернаторской командой Приволжский полпред открыто занял сторону холдинга. Вместе с Кириенко из Самары в Ульяновскую область пришла Средневолжская межрегиональная энергетическая компания, которая, опираясь на поддержку Кириенко, заняла предельно жесткую позицию по платежам за электричество и, таким образом, поставила область на грань банкротства. Очевидно, что подобной тактикой президентский полпред преследует две цели. Во-первых, он стремится обескровить и нейтрализовать губернатора Шаманова, лишив его региональных ресурсов, а, во-

совет главу Ульяновской области В. Шаманова сидевший в президиуме С. Шойгу раздраженно ответил, что «хороших людей много» и пообещал, что процесс укомплектования «Единой России» губернаторами обязательно продолжится в будущем. – См.: *Независимая газета*. 2003. 31 марта.

вторых, хочет использовать энергетические долги предприятий для процедуры их банкротства как важнейшего инструмента передела собственности в регионе. Не случайно Кириенко проявляет к энергетической сфере большой интерес и напрямую контролирует эту отрасль, вполне понимая, однако, что подобный контроль не входит в круг его служебных обязанностей. Наконец, симптоматично и то, что в Ульяновской области президентским наместником не создан Совет по предпринимательству, который мог бы служить его опорной базой в регионе. Анализ ситуации в Ульяновске показывает, что окружная власть предпочитает здесь иметь дело с крупным внерегиональным бизнесом.

Зима 2002-2003 гг. привела к еще более заметному усилению роли президентского полпреда в политической жизни региона. Выше уже говорилось, что в середине января 2003 г. С. Кириенко стал председателем совета директоров крупнейшего ульяновского предприятия ОАО «Авиастар». Не исключено, что его приглашение на этот пост произошло под влиянием отчаяния, охватившего Администрацию Президента и совет директоров «Авиастара» после вторжения туда группы заезжих коммерсантов, поддержанных областной администрацией: ситуация стала критической, когда представители «режиссерского блока» поставили под угрозу контракты ЗАО «Авиастар-СП» с зарубежными инвесторами. Приход Кириенко означал полное поражение областной администрации в войне за «Авиастар», т.к. в новом составе совета директоров не осталось ни одного заместителя или советника губернатора. К тому же, параллельно с избранием Кириенко на этот пост, решением федерального арбитражного суда округа в должности гендиректора этого акционерного общества был восстановлен ульяновец В. Лопухов, а ставленник шамановского окружения смещен⁴⁹.

Все перечисленное не оставляет сомнений в том, что во взаимоотношениях губернатора Шаманова и полпреда Кириенко инициативой владеет полпред, воздействуя на регион по весьма широкому кругу вопросов. В отличие от кубанского губернатора Ткачева, Шаманов оказался выведен из процесса формирования стратегических альянсов с крупными внерегиональными экономическими интересами – эту функцию взял на себя Кириенко. Еще более резко ситуация в Ульяновске отличается от рязанской, описанной В. Авдониным. Если в Рязани президентский полпред по сравнению с местным губернатором выполняет подсобные функции, то в Ульяновске главной фигурой в контроле над

⁴⁹ *Симбирский курьер*. 2003. 18 января.

стратегическими экономическими активами региона выступает полпред, имеющий более доверительные отношения с естественными монополиями и олигархами. Немаловажно и то, что Шаманов, опять-таки в отличие от глав других поволжских регионов⁵⁰, не принимал равным счетом никакого участия в назначении такой важной фигуры, как федеральный инспектор «его» области. В Ульяновской области этот пост занял совершенно бесцветный Александр Иванов.

В результате всех происшедших изменений определяющим признаком нынешнего политического состояния Ульяновской области является неустойчивость его основных компонентов в лице властвующих группировок, крупных экономических и политических игроков. Автономность губернатора Шаманова становится еще более проблематичной перед лицом наплыва в область новых собственников и усугубления ресурсного кризиса в регионе. Пока преждевременно говорить об угрозе перманентной политической неустойчивости в Ульяновской области. Скорее, речь может идти о ситуативной нестабильности во взаимоотношениях группировок из губернаторского окружения и текущей нестабильности во взаимоотношениях политических сил федерального, областного и городского уровней. Нестабильность и неопределенность политического развития Ульяновской области усугублялась последовательным невмешательством федерального Центра в эти процессы. Путин не нуждался в Горячеве, так же, как он не нуждается в Шаманове. Поэтому политическая турбулентность Ульяновской области, связанная со смещением Горячева, а теперь и с ожидаемым уходом Шаманова⁵¹, становится главным признаком местного политического процесса. Политическое «одиначество» губернатора Шаманова в его взаимоотношениях с федеральной властью создает ситуацию, при которой Ульяновская область становится жертвой внерегиональных экономических и политических интересов, поддерживаемых президентским полпредом Кириенко. В перспективе такая ситуация может стать благоприятным ситуативным условием для реализации давно обсуждаемых проектов

⁵⁰ Эти процессы хорошо описаны на примере других областей и республик Приволжского федерального округа в работе Г. Шарафутдиновой и А. Магомедова (*Sharafutdinova G., Magomedov A. Volga Federal Okrug // Dynamics of Russian Power: Putin's Federal-Regional Reforms / P. Reddaway and R.Ortung eds. Rowman & Littlefield, forthcoming*).

⁵¹ Поддержанию нестабильности способствуют постоянные слухи о скорой отставке Шаманова. Последний виток такой информации был связан с тем, что губернатору, якобы, предложили стать командующим Ленинградского военного округа. Шаманов и сам не отрицает, что готов пойти туда, куда его назначит Президент.

«укрупнения субъектов Федерации». В экономическом и географическом плане Ульяновская область уже сегодня больше подходит на роль сателлита более мощной Самарской.

2.2. Владимир Путин и Краснодарский край: российское лидерство + российский традиционализм. Появление Путина на политической сцене было ответом на надежды этатистски ориентированного электората: в Россию возвращается сильная власть, ощущающая себя Властью. Использование кодов этатизма, сливающегося с близким, но не тождественным и чисто российским понятием державности, оказалось монополизировано В.В. Путиным и пропрезидентской партией «Единство». Здесь самое время отметить типологическую близость Кондратенко и Путина в контексте исполняемых ими ролей. Их схожесть в том, что оба выступали в качестве «защитников» и «спасителей» в атмосфере кризисного сознания и коллективного стресса. Оба применили идею мобилизации аппарата и населения для сохранения и развития власти. Все это дает нам право и даже делает обязательным обыграть момент референции «Кондратенко – Путин».

Кондратенко защищал кубанцев от внешних символов зла: мировой закулисы, ельцинской политики, московских олигархов, стихийной миграции. Аналогичным образом россияне потянулись к В. Путину после взрывов жилых домов в Москве, Буйнакске и Волгодонске осенью 1999 г. Мобилизация и консолидация российского общества под лозунгом «Отечество в опасности» (как мы уже указывали, аналогичный лозунг перед выборами в Госдуму в декабре 1999 г. выдвигал и Кондратенко) были достигнуты после кровавых терактов в этих городах и военных действий в Дагестане против ваххабитов. Именно тогда произошли сдвиги в массовом сознании россиян: в момент стресса миллионов граждан Путин выступил фактически как психотерапевт, выполняя роль «защитника» народа и неумолимого преследователя террористов. Операция по «сплочению нации» обеспечила ему успех на президентских выборах в марте 2000 г.

В таком контексте можно определенно утверждать, что Путин перетянул общественные симпатии на себя, оголив харизму Кондратенко и сузив его политическое поле публичного патриота, и отобрал его имманентные роли «героя» и «защитника», без которых Кондратенко мертв как политик. Думается, что сам Кондратенко, весьма тонко чувствующий общественные настроения, понял это одним из первых. Это подтверждается следующими любопытными наблюдениями. Стилистика, характер и общее содержание выступлений В. Путина абсолютно наложились не только на

некоторые характеристики общероссийской ментальности. На Кубани это воздействие было гораздо более эффективным в силу того, что кубанский электорат был более к ним подготовлен специфическими моментами политической деятельности губернатора Кондратенко. К ним можно отнести:

1. Четкую идентификацию «внешнего врага» и неявно формулируемую связь всех (большинства) проблем с этим образом.

2. Лексически не выражаемое, но подразумеваемое наличие готовых решений.

3. Обещание быстро «разобраться» с этим врагом, выраженное так, что даже нейтральный термин «адекватные меры» приобретает угрожающий оттенок.

Ситуацию мало меняет то обстоятельство, что Путин борется с международным терроризмом, тогда как для Кондратенко внешним врагом выступают мировой сионизм и мигранты; *в обоих случаях принцип мобилизации один и тот же*⁵². В определенном смысле столь разные политики воздействовали на одни и те же структуры массового сознания электората, и, можно сказать, что для большинства отдавших ему свои голоса Путин являлся «московским Кондратенко»: сильной фигурой, «жесткой рукой», «Отцом Нации», под спасительную десницу которого стремится склонная к авторитаризму личность.

Таким образом, в регионе сложились новые условия, при которых Кубань уже не бросает вызов Москве. Уход Бориса Ельцина с российской политической сцены ликвидировал основу для напряженности между Центром и этим регионом, и политические изменения в масштабах Краснодарского края оказались *абсолютно изоморфными* на федеральном уровне. Этим же можно объяснить и ослабление местного «Отечества» как движения, формировавшего и поддерживавшего мятежный потенциал Краснодарского края.

⁵² Основой и костяком имиджа «батьки» является соответствие архетипическому образу «народного заступника», «в пару» которому необходим внешний враг – с ним «герой» ведет непрестанную и небезопасную борьбу. При этом темные силы, с которыми он борется, должно являться злом с большой буквы. В случае с Кондратенко это: а) «мировая жидомасонская закулиса», б) политика Москвы и в) как минимум, организованная армянская экспансия в крае. Во всех случаях Зло насколько глобально, настолько же и абстрактно, неперсонифицировано.

Из всех трех перечисленных угроз первая в силу своей предельной абстрактности кубанским населением воспринималась наиболее спокойно, чего нельзя сказать об остальных, в особенности второй – в позднеельцинский период. Однако триумфальное избрание в марте 2000 г. Путина, получившего на Кубани 51,5% голосов, если не вывело второй козырь из игры полностью, то уж во всяком случае сильно снизило его значимость.

На неожиданный поворот событий в Кремле, связанный с «дворцовой» передачей власти от Ельцина к Путину, Н.И. Кондратенко нашел такой же нетривиальный ответ. Фактически, он повторил ход Б.Н. Ельцина, только на своем, региональном уровне. Как мы уже указывали, социологические опросы показали, что летом 2000 г., т.е. накануне губернаторских выборов, Кондратенко мог рассчитывать на 60-70% голосов в городах края и на 80-90% – в его сельских районах. С учетом более высокой электоральной активности сельского населения это гарантировало Кондратенко 3/4 голосов избирателей даже при самом пессимистическом для него сценарии. Но накануне выборов губернатор объявил о нежелании вновь выдвигать свою кандидатуру и назвал своим преемником Александра Ткачева. Эта фигура устраивала широкие слои избирателей, ориентированных на «Отечество», т.к. в молодом и энергичном политике левого направления они видели достойного продолжателя дела Кондратенко. В меньшей степени А. Ткачев был поддержан и региональной элитой – для нее он, председатель одного из крупнейших АО края, был «своим». В итоге, выборы превратились в формальную процедуру, где оппоненты Ткачева играли роль спарринг-партнеров при заведомом чемпионе.

Наряду с вышеописанными субъективными, существовали и куда более серьезные объективные причины ухода Кондратенко с кубанской политической сцены и, как следствие, ликвидации напряженных отношений региона с федеральным Центром. Не секрет, что для последнего Кондратенко всегда был весьма неудобной фигурой. Одной из наиболее ярких черт проводимой им внутренней политики являлась экономическая автаркия. Размахивая антимафиозным флагом, губернатор фактически закрыл свой край для экспансии московского и иностранного капитала. Под этими же лозунгами краевое правительство контролировало рынок сельхозпродукции, устанавливая ценовой коридор и квотируя (или запрещая) вывоз продукции за его пределы. Создание искусственных барьеров для проникновения иностранного и московского капиталов на Кубань стало основой благосостояния местной хозяйственной элиты.

Основной причиной неприемлемости для Москвы фигуры Кондратенко-губернатора явилась его роль лидера в борьбе на два фронта – против крупных нефтяных компаний, имевших на Кубани стратегические интересы, с одной стороны, и экономически радикальных вариантов проведения общефедеральной земельной реформы, с другой. Для всех было совершенно очевидно, что наличие на посту руководителя ведущего аграрного и одного из главных транзитных регионов России

такого человека, как Кондратенко – крупное препятствие на пути как самой идеи частной собственности на землю, так и реализации амбициозных топливно-транспортных проектов. Даже стиль политических высказываний Кондратенко не оставлял в этом никаких сомнений. Так, в своем выступлении в Совете Федерации в июле 2000 г. по поводу массовых отключений электроэнергии он заявил: «Если возвращусь с заседания, а в крае отключения будут продолжаться, то я на вполне законных основаниях остановлю строительство КТК (Каспийского трубопроводного консорциума. — *А.М., М.К.*), газопровода, остановлю экспорт нефти и нефтепродуктов через порты края. Остановлю для того, чтобы кто-то приехал и попытался разобраться во всем, ибо происходящее – просто диверсия»⁵³. И это было не первое заявление подобного рода. На совещании глав администраций и специалистов аграрно-промыш-ленного комплекса в апреле 2000 г. он пообещал «аграрному» вице-премьеру В.Н. Щербаку разработать программу свертывания производства в этом секторе с тем, чтобы обратить, наконец, внимание правительства на проблемы сельского хозяйства. При этом он заявил: «Надо было перекрыть вам трубу (т.е. экспортный нефтепровод — *А.М., М.К.*), взорвать ее к чертовой матери, поставить туда казаков и посмотреть, как вы будете выкручиваться»⁵⁴.

Таким образом, главное в Кондратенко – вовсе не идея «жидомасонского заговора», которую искусственно выпячивает московская пресса. Эта идея есть не более, чем форма проявления другой доктрины – более глубокой и единой для столь разнородных фигур, как Бен-Ладен и Фидель Кастро, Саддам Хусейн и оппозиционеры Евросоюза, патриарх Алексей и Солженицын. Это доктрина противодействия глобализации, и добрая половина экономических шагов в период губернаторства Кондратенко – именно из этой серии. Главное в его внутренней политике – идея ойкоса, самодостаточной региональной экономики, закрытой для внешнего (даже российского) воздействия.

Сумма причин, обусловленных геостратегическим положением Краснодарского края в составе России, и неизбежность его ускоренной технологической модернизации не оставляет региональной хозяйственной элите возможности выбора. Процесс носит объективный характер и почти полностью контролируется федеральными властями, общероссийскими ФПГ и межнациональными корпорациями. Сегодня политическая и хозяйственная элита края может только приспособливаться к

⁵³ *Кубанские новости*. 2000. 28 июля.

⁵⁴ *Краснодарские известия*. 2000. 27 апреля.

нему, сделав предметом торга свою лояльность федеральному Центру. Политическая судьба главного российского харизматика и фрондера Николая Игнатовича Кондратенко является тому ярким подтверждением. В силу своей геополитической роли край и в дальнейшем будет жестко контролироваться федеральным Центром, поэтому возможность введения каких-либо новаций, противоречащих федеральному законодательству и плохо коррелирующихся с деятельностью центрального правительства, будет равна нулю.

Произведенную в Краснодарском крае «рокировку» «Кондратенко – Ткачев» можно считать блестящей операцией не только самого Кондратенко, но и кремлевских «кадровых теоретиков». С точки зрения публичной политики, Кондратенко был устранен своими собственными руками, и региональный оппозиционный «замок» оказался взломан изнутри. С первых шагов А. Ткачева на губернаторском поприще стало ясно, что надежды на реализацию его предвыборных обещаний продолжить политику Кондратенко несбыточны. Напротив, прежняя оппозиционность Кубани центральной власти очень быстро сменилась полной «этатистской лояльностью» по отношению ко всем элементам внутренней политики федерального Центра. Самым ярким примером явилась ревизия краевой законодательной базы, произведенная новым губернатором. В свое время Кондратенко неоднократно бравировал тем, что около 500 краевых законодательных актов противоречат федеральному законодательству, используя данный факт для обвинения федерального Центра в нежелании учитывать региональные особенности. Зато во время объявленного В.В. Путиным «восстановления властной вертикали» Краснодарский край одним из первых привел свои законодательные акты в соответствие с федеральными.

Особенностью сегодняшней ситуации является то, что модернизационные перспективы края связывают с деятелем, который воспринимается общественным мнением как выразитель интересов аграрного севера. Ведь нынешний губернатор Ткачев пришел во власть именно под лозунгами продолжить хозяйственную и социальную политику Кондратенко. Однако использование идеологических схем своего предшественника для нового губернатора оказалось не просто малореально, но и политически опасно. Фактическая «смена курса» потребовала от Ткачева существенно изменить региональную властную структуру. Активные члены «команды Кондратенко» оказались удалены из краевой администрации, а движение «Отечество» утратило прежнюю роль «кузницы кадров» для исполнительной власти и стало не более,

чем консультативным органом при новом губернаторе. В первый же месяц своего губернаторства Александр Ткачев сделал следующее заявление о роли партий и движений в жизни края: «Идеология в Краснодарском крае будет одна – идеология исполнительной власти...». Потом это высказывание заместители губернатора были вынуждены долго комментировать в нужном для него ключе.

В полной мере «региональная централизация» и «деидеологизация» губернаторского курса проявились в ходе выборов мэра Сочи, одного из ключевых городов не только в экономике Краснодарского края, но и всей России. Выборы состоялись в апреле 2001 г. Губернатор сразу дал понять, что его прежние обязательства перед левопатриотическим блоком не распространяются на столь стратегически важную сферу, как руководство городов-доноров, и выдвинул на пост мэра Леонида Мостового, директора одного из сочинских санаториев. Пленум движения «Отечество», со своей стороны, предложил кандидатуру коммуниста А. Горбунова. Это было первое серьезное столкновение Александра Ткачева со своими прежними однопартийцами и лично с Н.И. Кондратенко, который активно поддерживал выдвиженца «Отечества».

Поскольку кандидатура Л. Мостового была откровенно слабой и потому практически не проходной, в его поддержку губернатором был задействован «административный ресурс» в самых широких, доселе на Кубани не виданных масштабах. Накануне выборов он провел переговоры с Рэмом Вяхиревым, и, используя заинтересованность «Газпрома» в скорейшей реализации проекта «Голубой поток», выставил дополнительные условия, расцененные газовиками как «экономический шантаж», и добился ускоренной газификации северных районов Сочи. Месяц спустя между администрацией Краснодарского края и правительством Москвы было подписано соглашение по широкомасштабному инвестированию Азово-Черноморского побережья, которое в первую очередь касалось финансирования строительства курортно-оздоровительных комплексов Сочи. Проекты по развитию Большого Сочи тогда же были внесены в Федеральную целевую программу социально-экономического развития Северо-Кавказского региона до 2006 г. Эти действия позволили команде Л. Мостового мобилизовать прагматически настроенных мелких и средних предпринимателей – основную часть сочинского электората. Таким образом, местный избиратель оказался фактически «куплен» инвестиционными обещаниями. Но и этого показалось мало: чтобы гарантировать прохождение своего кандидата, власть добилась отстранения его основ-

ных конкурентов – они были элементарно сняты решением крайизбиркома за несколько дней до выборов.

В конце 2002 г. аналогичная процедура была произведена в Новороссийске – втором по значению черноморском городе края. Действующему мэру Валерию Прохоренко было настоятельно рекомендовано уйти в отставку, и на его место приказом губернатора был назначен временно исполняющий обязанности Владимир Синяговский, бывший до этого главой Славянского района. Как ранее Мостовому в Сочи, ему суждено было стать «избранно-назначенным» мэром крупнейшего портового города Юга России. О серьезности намерений краевых властей в этом отношении свидетельствует произошедшее одновременно с его назначением выделение 300 млн рублей на решение самой болезненной коммунальной проблемы города – его устойчивого водоснабжения. Еще до новороссийских событий участь Валерия Прохоренко разделили несколько глав сельских муниципальных образований. В условиях существующего в России «провала» в законодательстве о местном самоуправлении (т.е. при отсутствии механизма досрочного освобождения от должности руководителя, не справляющегося со своими обязанностями), Ткачев в каждом случае успешно применял метод «настойчивого предложения» добровольной отставки. Эта технология позволила губернатору сформировать управляемую властную вертикаль в виде лояльно настроенных глав муниципальных образований. В результате вероятность конфликтной коллизии эпохи Кондратенко в виде противостояния губернатора и мэров городов-доноров⁵⁵ сегодня равна нулю.

В конце 2002 г. параллельно с процессом усиления пирамиды исполнительной власти губернаторской командой были предприняты действия по интеграции во «властную вертикаль» местного парламента. В ходе предыдущих выборов в региональное законодательное собрание была осуществлена смычка законодательной и исполнительной власти на партийной основе – 3/4 депутатов составили выдвиженцы «Отечества», движения, созданного и возглавлявшегося Н.И. Кондратенко. В результате, трения между двумя ветвями власти по существенным вопросам фактически отсутствовали — законодательная база формировалась исполнительной властью через мобилизационный электоральный механизм кубанского «Отечества», а краевой парламент ограничивался ее (этой базы) юридическим оформлением. Однако после удаления руководителей «Отечества» от власти такую модель Ткачев уже приме-

⁵⁵ Подробнее см.: Магомедов А.К. Краснодарский край в условиях геополитической и локальной конкуренции политических сил // *Полис*. 1999. № 5.

нить не мог, да и взаимодействие губернатора с этим движением перестало быть для него выгодным. Несмотря на утрату своего главного PR-ресурса в виде покинувшего край Кондратенко, «Отечество» все еще было в состоянии мобилизовать весьма значительные слои электората и сделать беспроblemным продвижение выдвиженцев губернатора в сельских районах. Но цена такой помощи стала для Ткачева слишком высока – взаимодействие с левопатриотическими силами вполне могло вызвать раздражение Москвы, да и сама эта помощь потребовала бы расплаты местами в будущем парламенте.

Драматизм ситуации усугублялся тем, что альтернативы «Отечеству» среди политических сил Кубани просто не было. Краевое отделение партии власти федерального уровня, «Единой России», представляло собой фиктивное образование, не подкрепленное реальным человеческим капиталом и существовавшее только в фантазиях московского руководства и платежных ведомостях на зарплату. Партии же правого спектра на Кубани были способны мобилизовать не более 2-3% реально голосующего электората. Поэтому в ходе произошедших 24 ноября 2002 г. выборов в законодательное собрание для приведения к победе кандидатов «губернаторского списка» в дело пошел невиданный ранее административный ресурс. Главным инструментом в этой технологии явился сочинский прием снятия основных соперников и создания максимально благоприятных условий членам неформального «губернаторского пула». Эта игра велась столь открыто и явно, что отпугнула избирателей, и из-за их неявки выборы провалились в семи по общему счету, или в каждом десятом округе – двух в Сочи и пяти в Краснодаре. Несмотря на это, по самым скромным прикидкам, численность «губернаторского пула» в новом парламенте оказалась не меньшей, чем количество сторонников кондратенковского «Отечества» в законодательном собрании прежнего состава — от 3/4 депутатского корпуса и выше. Разница заключается лишь в том, что Ткачев сменил прежний, партийный способ формирования собрания на клиентелистский принцип выстраивания системы личных обязательств.

Завершая разговор о региональных общественно-политических организациях, необходимо отметить, что при Ткачеве действует принцип равноудаленности партий от исполнительной власти. Личные симпатии и прежняя предвыборная поддержка не помешали Ткачеву изъять «Отечество» из властных структур и превратить движение из региональной партии власти в «первого среди равных». Хотя кубанское «Отечество», которому, кстати, в нынешнем виде в соответствии с но-

вым законом «О партиях» осталось существовать всего два года, продолжает быть тяжеловесом местной политики, определяющую роль оно уже потеряло. Что касается «Единой России», то за исключением разовых акций заезжих московских функционеров, ее деятельность на краевой политической сцене малозаметна. Формирование краевой «Единой России» с самого начала контролировалось губернатором, который обеспечил ему манипулируемое и малопредставительное руководство. Например, во главе краевого отделения партии был поставлен ректор Кубанской медицинской академии Б. Ярмошенко с неподходящей для политика профессией специалиста в области акушерства и гинекологии. В итоге, местное отделение «Единой России» держится в тени и в выборах в законодательное собрание приняло только формальное участие. В публичной политике Ткачеву, в отличие от Шаманова, альянс с «Единой Россией» и не нужен: имея на «своей» территории президентскую дачу Сочи – Бочаров Ручей, он достаточно часто – намного чаще, чем любой другой губернатор России – лично встречается с Путиным.

В сфере экономики политика «административной централизации» и усиления роли исполнительной власти также проявилась очень быстро и в достаточно жесткой форме. Ревизия дел с алкогольными акцизами, контроль оптовых рынков, переход к модели «точечного финансирования» АПК – вот далеко не полный перечень примеров такого рода. Уже первое полугодие губернаторства А. Ткачева завершилось выдвижением лозунга изменения бюджетной политики края в сторону почти двукратного увеличения доходной части бюджета. Этот амбициозный план был реализован, в результате чего многие крупные предприятия потеряли ранее полученные налоговые льготы и преференции; в экономическом пространстве края был установлен довольно жесткий и централизованный фискальный контроль.

Можно сказать, что за первые два года пребывания у власти Александра Ткачева на Кубани была выстроена путинская «властная вертикаль» и модель административного регулирования экономики в формах и объемах, не достигнутых на федеральном уровне. Причины и стимулы этого явления видятся в геостратегическом положении Краснодарского края, которое обуславливает и делает неизбежной его ускоренную технологическую модернизацию. В первую очередь речь идет о проекте Каспийского трубопроводного консорциума, по которому в перспективе ежегодно на мировые рынки будет поставляться 67 млн тонн каспийской нефти; проекте «Голубой поток», предусматривающем прямую поставку в Турцию в течение 25 лет газа на общую

сумму от 22 до 25 млрд долл.; о строительстве Керченского моста и планах «Роснефти» и «Лукойла» по освоению газо- и нефтеносных шельфов Азовского и Черного морей. Если учесть, что их реализация предусмотрена в течение всего трех-четырех лет (в 1999-2002 гг.), не будет преувеличением сказать, что за последние три года край пережил технологическую модернизацию, несравнимую с другими регионами России.

Это не оставляет региональной хозяйственной и административной элите возможностей выбора и маневра. Процесс носит объективный характер и почти полностью контролируется федеральными властями, общероссийскими ФПГ и межнациональными корпорациями. Политическая и хозяйственная элита края может только приспособливаться к нему, сделав предметом торга свою лояльность федеральному Центру. В силу своей геополитической роли край и дальше будет жестко контролироваться Кремлем, поэтому появление здесь каких-либо новаций будет ограничиваться. В силу этого «централизаторские» тенденции кубанского уровня неизбежно должны быть сильнее общефедеральных в особенности, если учесть условия российского правового поля в плане взаимоотношений уровней местной власти и субъекта Федерации.

За два года пребывания в должности губернатора Александра Ткачева законодательная и исполнительная власть края только дважды, хотя весьма активно и настойчиво, выразила противодействие политике федерального Центра. Это были вопросы миграционной политики и купли-продажи земель сельхозназначения. Что примечательно, оба противостояния завершились компромиссом.

После развала СССР и в течение десяти последующих лет основной социальной проблемой Краснодарского края стала неконтролируемая миграция. В первый год своего губернаторства Александр Ткачев довольно активно выступал против федеральной миграционной политики. Наиболее острые столкновения между Центром и регионом по этому поводу имели место осенью 2001 г. Так, на состоявшемся 12 октября 2001 г. в Краснодаре войсковом сборе Кубанского казачьего войска, посвященном перевыборам войскового атамана, обрисовав миграцию из стран СНГ и в первую очередь из Закавказья как главную опасность, грозящую коренному населению полным вытеснением в течение 10 лет, губернатор заявил: «В ближайшее время вы увидите ряд изменений в этом отношении. Будьте готовы помочь работникам правоохранительных органов». Несколько позже, 27 октября 2001 г., Ткачев повторил эти заявления на отчетно-выборной конференции краевого «Отечества»,

уточнив при этом, что «приезжих чужаков» правоохранительные органы будут решительно выдворять с территории края.

Позднее Ткачев занял позицию «респектабельной лояльности Центру», избрав тактику мягкого, но упорного давления по проблемному вопросу на власть всех уровней. Последнему обстоятельству весьма благоприятствовал «фактор Бочарова Ручья», незаслуженно редко упоминаемый в отечественных аналитических обзорах. Скупые сообщения пресс-службы администрации Краснодарского края свидетельствуют, что миграционный вопрос кубанский губернатор поднимал практически на каждой из своих многочисленных личных встреч с В.В. Путиным на его сочинской даче. Параллельно законодательное собрание края попыталось использовать свои возможности для уменьшения миграционных потоков – как с помощью законодательных инициатив (разработанный им законопроект «О миграции в Российской Федерации» был внесен на рассмотрение Госдумы), так и путем модификации регионального законодательства вплоть до экзотических поправок придать отдельным территориям края статус «приграничной зоны» или предложений выдворять нежелательных мигрантов за счет краевого бюджета и с привлечением средств коммерческих структур национальных диаспор, к которым принадлежат выдворяемые⁵⁶. Эта тактика в сочетании с событиями 11 сентября, изменившими подходы в миграционной политике с декларативно-либеральных до жестко прагматических, привела к тому, что в подписанном 3 июня 2002 г. Президентом В.В. Путиным федеральном законе «О гражданстве Российской Федерации» нашли отражение многие требования кубанской исполнительной и законодательной власти.

Второй точкой противостояния явилось обсуждение Земельного кодекса и рассмотрение вариантов закона об обороте земель сельхозназначения. С самого начала пугающая перспектива купли-продажи земли явилась главным объединительным мотивом левых сил на Кубани. Первые выступления по этому поводу губернатора и представителей кубанского истеблишмента также имели остро оппозиционный характер. Отстаивая интересы местной элиты, Ткачев иногда даже терял осторожность – настолько, что некоторые левопатриотические СМИ поспешили заявить о его возврате к «линии Кондратенко»⁵⁷. Так, при обсуждении закона о частной собственности на землю губернатор заявил, что Кубань – это отдельная страна, а Пу-

⁵⁶ *Вольная Кубань*. 2002. 26 марта. № 51. С. 4–5

⁵⁷ Кубанский казак оказался в черном списке // *Патриот* (Москва). 2001. 20 ноября. № 47.

тин своей политикой губит Россию. Это заявление вместе с обещанием возглавить народное восстание в случае принятия закона о купле-продаже земель сельскохозяйственного назначения стали основой разгромных репортажей НТВ от 6 и 7 ноября 2001 г. В свою очередь, их появление в Краснодаре было воспринято как «черный PR» и прямое давление на край с целью последующей смены состава и (или) хозяйственной политики исполнительной власти Кубани. Одной из причин появления этих материалов на федеральном телевизионном канале можно считать ухудшение отношений краевого руководства с хозяином НТВ – «Газпромом», имеющим серьезные интересы в регионе, как тактические, так и стратегические. Прежде всего, это – проект газопровода «Голубой поток», вступающий в действие в 2003 г., и перспективы освоения запасов нефти и газа на мелководном шельфе кубанской части Азовского моря. Вероятность именно такой подоплеку описанных событий как будто подтверждает появление 7 ноября 2001 г. в Краснодаре представителей экологических организаций, шедших под лозунгами: «Остановить “Голубой поток”»!» и «Газпром—убийца побережья!» (следует иметь в виду, что ноябрьские демонстрации в крае по-прежнему тщательно режиссируются).

К урегулированию противоречий между российским газовым монополистом и руководством региона был привлечен даже премьер-министр Михаил Касьянов, который посетил край 17 октября 2001 г. Официальной целью его визита являлось ознакомление с проблемами проекта «Голубой поток» (строительство газопровода «Россия-Турция»), которому правительство и реализующий его «Газпром» придают чрезвычайно большое значение. «Чтобы график был осуществлен, надо было снять 3-4 технических вопроса. Надеюсь, что они в течение месяца-двух будут решены», – заявил Касьянов, добавив, что «Голубой поток» – «это проект национального масштаба и даже выходит за рамки такового, имеет политическое значение и поэтому находится на контроле у Президента»⁵⁸. Однако по сути поездка премьера оказалась далеко не только контрольно-инспекционной.

Параллельно начали циркулировать слухи о том, что Ткачев якобы уже включен в некий «черный список» Генпрокуратуры, и полпреду Казанцеву поручен сбор компромата на губернатора. Но дальнейшее развитие событий опрокинуло эти предположения – в действительности позиция А. Ткачева оказалась более взвешенной. На

⁵⁸ *Известия*. 2001. 18 октября. № 193.

заседании Президиума Госсовета 11 апреля 2002 г., посвященном вопросам регулирования оборота земель сельскохозяйственного назначения, он высказался за более детальную проработку правительственного законопроекта с учетом региональной специфики субъектов РФ и придание будущему закону «рамочного характера» с тем, чтобы каждый регион мог устанавливать собственные правила оборота земель на своей территории⁵⁹. Только такой вариант, по его мнению, позволил бы создать единое правовое поле для всех территорий – как для тех регионов рискованного земледелия, где рыночный оборот земель может оказаться благом, так, в равной степени, и для черноземного Юго-Запада, где, по ряду причин, подобное нововведение нецелесообразно. Эти соображения кубанский губернатор повторил 22 апреля того же года на заседании Госсовета под председательством В.В. Путина, а затем неоднократно возвращался к этой теме во время личных встреч с Президентом, превратившись, таким образом, в выразителя интересов глав аграрных территорий. Сложившаяся консолидированная позиция регионов черноземной полосы в итоге подвела правительство к внесению в Думу значительно менее радикального земельного законопроекта. Принятый на его основе краевой закон «Об основах регулирования земельных отношений в Краснодарском крае» закрепляет сумму условий, способствующих максимальному сохранению крупного концентрированного землепользования в регионе.

На сегодняшний день характер взаимоотношений по линии Ткачев – Путин и Ткачев – Казанцев достаточно рационален для всех сторон. Они строятся на принципах невмешательства и кремлевской администрации, и президентского полпреда во внутрирегиональные дела. Что касается решения общих задач, среди которых важнейшими являются контроль над черноморскими портами и привлечение инвестиций, то здесь наблюдается тесное взаимодействие. Как было показано выше, подобное равновесие установилось не сразу, несмотря на то, что полпред Казанцев в свое время сыграл заметную роль в переговорах о передаче власти А. Ткачеву. В то же время, вышеупомянутые коллизии в отношениях между Центром и регионом не спровоцировали Казанцева на резкие действия против нового губернатора: стабильность на Юге полпреду дороже борьбы против популистских демаршей Ткачева, рассчитанных на избирателей.

⁵⁹ *Кубанские новости*. 2002. 19 февраля. № 32–33.

Политика путинской централизации привела к усилению влияния в провинции федерального Центра и, как следствие, к снижению прежней оппозиционности кубанских властей. Несмотря на конфликты по ряду вопросов (частная собственность на землю, миграция и т.д.), новая региональная администрация демонстрирует свою лояльность Кремлю. При этом, в отличие от Ульяновской области, основной фигурой в крае в системе взаимоотношений Центр – регион, включая и взаимоотношения с президентским полпредом, является губернатор. Последнему, опять-таки в отличие от его ульяновского коллеги, удалось закрепить свой статус в региональной элите как единственного партнера федерального Центра.

Заключение

Сегодня очевидно, что реформаторский проект Президента Путина не затронул фундаментальных основ российского федерализма. Он преследовал куда более ограниченную цель — изменить властную конфигурацию в обществе, обеспечить лояльность региональных лидеров Президенту на условиях Кремля и их невмешательство в дела федеральной политики. Поэтому объективной задачей Президента Путина стала не реализация определенного политического плана, а стабилизация сложившегося при Ельцине порядка вещей. Достижению стабилизации служит путинская «инвентаризация» государства, основными элементами которой являются: создание системы федеральных округов, перераспределение бюджетно-финансовых потоков между Центром и провинцией и усиление влияния в регионах финансово-промышленных групп.

Результаты двухлетней реформаторской практики нового Президента неоднозначны. В регионах формируется сложный конгломерат политических и финансово-промышленных альянсов, которые всячески сопротивляются федеральному Центру. Как показал проведенный анализ, масштабы автономии губернаторов и объем неконтролируемых из Центра их политических ресурсов все еще довольно значителен. Это означает, что региональная политика федеральной власти оказалась зажатой в узком коридоре ограничений. Дефицит политических средств влияния и промежуточный характер достигнутых результатов Кремль компенсировал активным использованием экономических рычагов. На вооружение была взята политика постепенного ограничения административных и информационных возможностей региональных лидеров, подрыв финансово-экономической базы местных элит.

Главный удар по самостоятельности регионов наносится в экономической и бюджетно-финансовой сферах. Региональные власти постепенно теряют контроль над наиболее крупными компаниями и предприятиями, которые переходят в собственность крупных финансово-промышленных групп. Областные администрации также постепенно перестают быть единоличными центрами принятия важных экономических решений. Общероссийские корпорации, поддержанные президентскими полпредами, экономически стягивая российское пространство, объективно выступают в роли союзников Кремля.

Региональная политика Президента Путина характеризуется «новой избирательностью», основанной на сугубо прагматических критериях – «нужности» или «ненужности» того или иного региона для федерального Центра. Как показывает наше исследование, примеры Кубани и Ульяновской области представляют собой яркие образцы применения этого принципа на практике. В отношении губернаторов данных регионов новый Президент следует двум различным стратегиям. В первом, кубанском, случае мы имеем дело с регионом, руководитель которого оказался «встроен» в режим официальных и регулярных консультаций с Президентом, благодаря внезапно возросшей политической и геополитической роли региона в целом. Ввиду активизации российской внешней политики и ФПГ в Черноморском бассейне, губернатор Ткачев получил возможность для статусного возвышения и набирает очки во время частых встреч с Президентом России. Он не только смог устоять перед лицом президентского натиска, но даже извлек выгоду из путинских реформ, оказавшись, в конечном счете, в первом эшелоне президентского бронепоезда⁶⁰.

В варианте Ульяновска мы видим губернатора, которого центральная власть откровенно держит на расстоянии – с ним имеет дело уже не сам Президент, а его Администрация через полпреда Кириенко и при помощи крупных бизнес-структур. Это – «регион-жертва» и первый претендент на поглощение более мощными соседними областями.

⁶⁰ Несмотря на свои многочисленные выпады против политики федерального Центра по отдельным вопросам, А. Ткачев был удостоен национальной премии «Персона года 2002», которая была ему вручена 26 марта 2003 г. в Патриаршей палате Московского Кремля.